

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТАЕЖНАЯ БАНДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Таежная банда / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия).

ISBN 978-5-04-245782-1

1953 год. Из исправительно-трудового лагеря в Новосибирской области по амнистии освобождается партия заключенных. Выйдя на волю, уголовники сразу же возвращаются к прежней жизни: грабят местный магазин, нападают на женщин. Пресечь разбой приказано опергруппе капитана Геннадия Лукьянова. Среди его подчиненных старший лейтенант Алла Барышева, недавно потерявшая при невыясненных обстоятельствах мужа-милиционера. Преследуя по тайге банду, Барышева неожиданно обнаруживает важную деталь, которая наводит ее на мысль, что смерть мужа не была случайной. А значит, тот, кто это подстроил, обязательно поквитается и с ней самой...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-245782-1

Пролог

16 июня 1953 г.

К ночи похолодало. Перистые облака на потемневшем небе напоминали акулю пасть. Зыбко шевелились, вытягивались, пасть меняла очертания... Речка журчала на перекате, у пологого берега в лунном свете резвились окуньки. Мужчина засмотрелся, подошел ближе. Отрывисто вздохнул, окинул взглядом береговую полосу. Тальник подступал к реке, в зарослях имелись разрывы, можно было подойти к воде. На другой стороне произрастал такой же ивняк, за ним высился лес. Городская черта в этом месте обрывалась, крыши домов остались справа, в темноте уже не угадывались. Вспыхнула папироса — третья по счету. Он смотрел на ее мерцающий огонек, глубоко втянул дым. Послышался шорох — резко обернулся. Подошел еще один — повыше, в штормовке, в надвинутом на голову капюшоне, встал рядом.

— Добрый вечер, Алексей.

— Это ты... — Мужчина закашлялся от неожиданности, глухо выругался. — Хотя знаешь, приятель, не удивлен, нечто подобное и предполагалось. Ловко ты

меня сюда выманил — мастерство не пропьешь. Что сказать-то хочешь?

— Ты уже понял. Зачем поперся в «Черный камень» две недели назад? Люди говорят, с каким-то ээком тер. Может, и с Вараном парой слов перемолвился?

— А тебе какой интерес? — Алексей выбросил окурок, с ожесточением затоптал его. — Имеешь навар? Следишь, что ли, за мной?

— Есть навар, — помедлив, сообщил второй, доставая папиросу, чиркнул спичкой. — Слушай, я тебя по-дружески хотел предупредить, Алексей. Держался бы ты подальше от этого дела, не твое оно. Большие люди замешаны, и с ними бодаться — себе дороже. Заранее понятно, кто проиграет. Ты, случайно, что-то зацепил, интересно стало — вот и притворись теперь, что не было этого. Померещилось, понимаешь? Не в свою ты хату зашел. Варан и все, что на нем навечно, — не твое. Пропасть можно.

— Постой, приятель, ты мне что сейчас, угрожаешь?

— Да проснись, — фыркнул собеседник, выбрасывая в воду недокуренную папиросу. — Ты мне друг, какие угрозы? Просто ясность вношу, Алексей, не лезь ты в это дерьмо. Оно воняет знаешь как?

— Но ты залез, — хмыкнул Алексей. — Причем с обратной стороны. Самого-то не смущает эта вонь? На кого работаешь?

— На советскую власть, Леша, — процедил сквозь зубы второй. — Мы все на советскую власть работа-

ем — я, ты. Только власть — она большая и люди в ней разные. И кое-кто просил передать: не лезь, отойди.

— Удивил же ты меня, — посетовал Алексей. — Знал, что есть в тебе гнильца, но ладно, думал, у кого ее нет? А она у тебя вон какая...

— Перестань, не преувеличивай, — отмахнулся второй.

Он ударил, когда визави не ожидал! Взвыла грудная клетка, искры брызнули из глаз. На миг парализовало. Этого хватило, чтобы получить удар пистолетом по виску. Стрелять в этот летний вечер по ряду причин не хотелось. Алексей повалился на спину, но сознания не потерял, пытался встать, цеплялся за жизнь. Субъект в штормовке ударил ногой по голове — тот снова откинулся и на этот раз лишился чувств. «Приятель» перевел дыхание, поглядел по сторонам. Сучковатая коряга, валявшаяся у переката, вполне устраивала. Поднял ее, прикинул вес. Крякнул, размахнувшись, — ударил Алексея по голове. Перевел дыхание — и снова. Безжизненное тело уже ни на что не реагировало.

— Вот скажи, какого хрена я с тобой разговаривал? — в сердцах бросил убийца. — И так все было понятно...

Он сел на корточки, окинул взглядом содеянное. Трупов на своем веку повидал много, этот от прочих ничем не отличался. Размахнувшись, он бросил в реку орудие убийства — коряга поплыла по течению. Поколебавшись, отстегнул от пояса убитого кобуру, сунул за пазуху. Оставалось избавиться от трупа. На

перекате было мелко, он оттащил тело левее — там мутная вода протекала прямо под травянистым берегом. Начал сталкивать тело в воду. Руки сорвались, сам едва не отправился в плавание. Выругавшись, повторил попытку. Труп перевернулся, плюхнулся в воду. Река подхватила, понесла. Пару раз ударила о берег, затем потащила на стремнину. Тело покачивалось, какое-то время сквозь него пробивалась лунная дорожка. Потом река понесла его дальше, к перекатам, начинавшимся за следующей излучиной. Там камни отобьют его так, что мама родная не узнает...

Убийца проводил глазами мертвеца, снова закурил. Пару минут он стоял неподвижно, глядя на воду, прислушивался к ощущениям в организме — что там с совестью? Да господи помилуй, какая совесть в двенадцатом часу ночи?! Ухмыльнулся и зашагал по тропинке, петлявшей по зарослям...

Глава первая

21 августа 1953 г.

*Исправительно-трудовой лагерь «Черный камень»,
Новосибирская область.*

Егор Бурлак стоял в строю в двадцати шагах от КПП и смотрел на скалу. Черный базальтовый камень возвышался над колонией, как огромный кулак, занесенный для удара. В половине восьмого утра, когда группу заключенных выводили из барака, скала еще тонула в утреннем тумане. Теперь туман редел, рассеивался, и камень проступал сквозь него — мрачный, тяжелый, придавивший эту землю на века. Четыре года он смотрел на этот камень сквозь колючку, просыпался и засыпал под его сенью. И вот теперь, когда ворота вот-вот откроются, тот словно приговаривал: «Куда ж ты денешься, родной? Все равно вернешься. Сходи, погуляй, буду ждать с нетерпением...»

Егор подтянул лямку вещмешка — тот то и дело соскальзывал с плеча. Рядом по команде «вольно» стоял и позевывал Штопаный — мужик лет сорока, зэк как зэк, вот только рожа настойчиво просила кирпича. В годы бесшабашной молодости ее изрисовали брит-

вой, а потом зашили так, что лучше бы не зашивали. Шрамы налезали друг на дружку, как плохо подогнанные половицы. Штопаный ухмылялся, скалил желтые зубы, и, глядя на это чудо, в голову приходило одно: ну и куда такому на свободу? Подобные экземпляры в советских ИТЛ нужно запирать на семь запоров и ставить на них печать «Хранить вечно».

— Эй, мусорок, секи, как Ильич щерится, — едко прошептал Штопаный. — Словно мы ему последний рубль должны... Ты ничего там ему напоследок не напорчал?

Хохотнул Сизый, стоящий слева от Штопаного, — уголовник примерно тех же потерянных лет, жилистый, белесый. Егор промолчал. Жизнь научила: если есть возможность промолчать — так и делай. А на уколы — тем паче. Отвечать — значит ввязываться. А ввязываться — получить шило в бок и соответствующую прописку в лазарете. Он выжил в этом райском местечке в том числе и потому, что молчал и держал открытыми глаза. Молчал стоящий справа Варан — мужик среднего роста, скорее худой, чем толстый, с небольшой, какой-то удлинённой головой, острым носом и цепляющими неприятными глазами. Сходство с ящерицей напрашивалось очевидное.

Подобрались солдаты с автоматами, мнущиеся напротив, встали в подобие шеренги. Почудилось на миг: передернут сейчас затворы, взвьётся над лагерем: «Именем Союза Советских Социалистических...» Но нет уж, кукиш. Это не расстрел, а как бы совсем наоборот... Начальник колонии Павел Ильич

Максимов смотрел тяжело, из-под бровей, комкал в руке бумажку. Кряжистый, основательный, убедительный. Лицо у него было серое, с мешками под глазами (прикладывался, не без этого). Глаза по очереди сверлили выстроившихся заключенных, и только на Егора он глянул без злости, даже потеплело в глазах, жалость мелькнула — эх, лучшие уходят...

Павел Ильич молчал, ждал. Еще не все вышли из штабного барака — там получали личные вещи, ставили на вечную память подписи в ведомости. Возникла неопределенная пауза. Сизый и Штопаный ухмылялись, но пока вели себя в рамках дозволенного. Помалкивал Варан, как-то поводил плечами, и создавалось ощущение, что он куда-то торопится. За спинами военных стояли еще четверо — видимо зрители. Или не совсем. Люди с выправкой, но не военные. Чувствовалось что-то родное, забытое. Оперá из Болотнинска — местного райцентра, находящегося в пятнадцати верстах от колонии. Такова уж работа — присутствовать на подобных мероприятиях, мотать на ус, запоминать лица. Разумеется, просмотрели все дела будущих амнистированных. Больше четырех месяцев продолжается в стране амнистия — и поняли уже, что это такое и кого выпускают на волю.

Пристально смотрела женщина, одетая в мужскую одежду, — темноволосая, с миловидным, но смертельно уставшим и обострившимся лицом. Она, как и Павел Ильич, окидывала взглядом присутствующих, задержалась на Егоре, взгляд двинулся дальше. Рядом с ней стоял мужчина лет тридцати восьми — рослый,

с волевым, но каким-то невыспавшимся лицом. Видимо, начальник. Личность смутно знакомая — приезжал на зону несколько раз по своим милицейским делам. Общался с офицерами из оперчасти, ходил по баракам, беседовал с заключенными. Этот парень был какой-то рассеянный, взгляд, скользивший по лицам заключенных, задержался на Варане. Последний как-то напрягся.

Обособленно мялись еще двое — рангом пониже. Невысокий крепыш лет тридцати пяти и парнишка, усиленно делающий деловое лицо, — видно, новенький в отделе.

Ну наконец-то! Заскрипела дверь штабного барака, и на крыльцо вывалились еще два упыря. Именно те, кого так не хватало строящему социализму обществу! Скалился Верблюд — в принципе молодой, едва тридцатник разменял, а уже урод. Причем во всех смыслах. Нескладный, длинноногий, на удивление проворный. Он ходил, подпрыгивая, одно плечо было ниже другого, а за спиной, словно вещмешок, торчал горб — небольшой, но досадный. Рожа у парня была соответствующая. Насмехаться над его природными дефектами давно перестали — кулак у уголовника был тяжелый. Рожа у парня просто цвела.

— Явились не запылились, — проворчал Сизый. — Верблюд, вы там че, автографы раздавали?

— Гы-гы! — заржал Верблюд и начал неудержимо кривляться. Праздник же великий, пацаны!

— Встать в строй! — рявкнул Максимов.

Верблюд сделал понимающее лицо: без базара, начальник, — шмыгнул в конец строя. Вальяжно подошел и пристроился с другого края последний член команды «выпускников» — с выразительной кличкой Бармалей. Не сказать, что очень рослый, но крепкий, с пудовыми кулаками, с широкой и даже добродушной рожей. Скалиться Бармалей любил, как и любой порядочный зверь, но мозгов в голове было маловато. Хоть и дурак, а соображал: сила есть, а ум все-таки нужен. Пару лет назад прибил к Варану, был его телохранителем, порученцем (принеси — подай — пошел на...) и неплохо себя чувствовал.

— А ну, замерли, мать вашу... — проворчал Максимов — и шеренга из шести человек почтительно застыла. Людей, как могли, переодели — незачем шокировать тюремными робами добропорядочных граждан. Потертые штаны, облезлые пиджаки, рубашки, драные кепки. Худые вещмешки за спинами, на ногах ботинки, откровенно просящие каши.

— Значит, так, — начал Павел Ильич, разворачивая «верительную грамоту». Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверная петля. — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии», надеюсь, все выучили. Так чего же я тут буду? К сожалению, вы под него попадаете... Бурлак Егор Михайлович! — рывкнул он.

— Я, — проворчал Егор.

— Головка от... пистолета, — гоготнул Верблюд и осекся, перехватив уничтожающий взгляд майора.

— А кто-то может и остаться, не так ли? — процедил сквозь зубы Максимов. — Пока не научится хорошим манерам... Косых Аркадий Петрович!

Шеренга молчала.

— Косых!

— О, мать мою... — заволновался Штопаный. — Это я, что ли, в натуре? Забыл уже, как кличут... Здесь я, начальник!

— Бугров Николай Иванович!

— Присутствует, — буркнул Варан.

— Гы-гы! — заржал Верблюд.

— Демченко Игорь Павлович!

— О, а это в натуре я, — встрепенулся Верблюд. — В наличии, Павел Максимович!.. Слушай, гражданин начальник, может, нормальными именами называть будешь? Отвыкли, пойми, с трудом вспоминаем, как нас папка с мамкой нарекли...

— Заткнись, Верблюд, — устало вымолвил Максимов. — Ведь дожدهшься же, видит бог... Сизов Федор Гаврилович!

— Да здесь я, начальник, — отозвался Сизый, — думал, не приду?

— Бараксин Петр Кузьмич!

Бармалей какое-то время размышлял. Максимов устремил на него неприязненный взгляд, досадливо отмахнулся — ладно уж, не говори ничего. Бармалей так и остался стоять с открытым ртом.

«В отличную компанию попал, — подумал Егор. — И кого за это благодарить?»

— Ладно, поздравлений не дождетесь, — проворчал Максимов. — Валите уж, пока мы хорошие. Надеюсь, все знают, как себя вести за воротами? Если что, милости просим обратно, всегда приветим и обогреем. В общем, так, сейчас все дружно выходим за ворота — не разбегаемся, не курить, не орать блатные песни, — садимся в автобус и едем на станцию. С вами будут водитель и сопровождающий. Если узнаю, что вы себя с ними вели непочтительно... в общем, вы меня знаете, из-под земли достану. На станции покупаете билеты и валите отсюда к чертовой матери — чтобы до обеда и духу вашего не осталось! Доберетесь на электричке до Новосибирска, а там дуйте кому куда. Если узнаю, что причинили кому-то из граждан беспокойство... опять же из-под земли достану!.. Ну все, левое плечо вперед — шагом марш!

Неровная колонна двинулась к неохотно разъезжающимся воротам.

— Павел Ильич, а как же слова напутствия и благословения? — изгалялся Верблюд. — А как же «на свободу с чистой совестью»?

— А ты уверен, Верблюд, что она у тебя чистая? — сверлил его глазами Максимов.

Вопрос был риторический. Зэки оживлялись, выбираясь наружу, с жадными взорами озирались. Черная скала теперь висела над самой головой, смотрела укоризненно, с недоверием. Исправительно-трудовую колонию окружали глухие леса. Заведение словно нарочно спрятали подальше от человеческих глаз. За воротами стояли автомобили, в том числе милицейский

ГАЗ-67, отлично зарекомендовавший себя в годы войны. Автобус — допотопный ЗИС-8 с удлиненным моторным отсеком, выпускавшийся еще в тридцатые годы, поджидал на другой стороне дороги. Дверь была гостеприимно распахнута. Усатый водитель еще возился под капотом, что-то подкручивал, проверял. Автобус много пережил на своем веку — краска облупилась, красовались вмятины (некоторые даже от пуль), низ борта безнадежно оброс ржавчиной. Егор покидал зону последним, ловил на себе пристальный взор барышни-оперуполномоченной. Эти люди все еще присутствовали. Голова вдруг закружилась, ноги предательски подогнулись. Схватиться оказалось не за что, пришлось расставить ноги. Воздух здесь был другой. Тот же сосновый, тот же лесной, все то же самое — но другое. Пахло травой, утренней росой, дорогой, что убегала в лес, мощно — хвоей. Но к этим запахам примешивалось еще что-то — еле уловимое, неочевидное. Он начинал, кажется, догадываться, как пахнет свобода...

Зэки бойко загружались в автобус. Майор Максимов решил не провожать. Вышли опера, потянулись вдоль забора к своему боевому внедорожнику. Женщина косила через плечо, плотно сжав губы. Захлопнул капот и протер руки ветошью пожилой водитель в фуфайке. Сосредоточенно следил за погрузкой сопровождающий — старший сержант сверхсрочной службы Ковалев. Оружия при нем не было — от греха подальше. Козырные места рядом с водителем уже заняли. Егор протиснулся в глубину салона,

сел у окна. Все было не по-настоящему, головокружение не проходило. Он обнял свой худой вещмешок, уставился в окно. Оперуполномоченные грузились в газик. Мужик начальственного вида сел за руль — видимо, предпочитал все делать сам. Женщина пристроилась рядом с ним, остальные расположились сзади. Тоже на станцию поедут? — мелькнула мысль. Контролировать — так до последнего. Но нет, завелся двигатель, внедорожник задом выехал на дорогу, развернулся, покатил в сторону Болотнинска. Острая щебенка злобно выстреливала из-под колес. Дорога от колонии к райцентру проходила через леса, цепляла железнодорожную станцию на окраине Болотнинска.

Завелся автобус, салон затрясся мелкой дрожью. Как-то подозрительно всхлипнул Верблюд, сморщился, как засохший помидор. Вряд ли он собрался плакать. Старший сержант Ковалев садиться не стал — остался на ступенях в дверях. Насупленно обозревал присутствующих. Автобус тронулся, усатый шофер выворачивал на дорогу.

— Амнуха пришла, братва... — сдавленно просипел Сизый.

Засмеялись противным смехом Бармалей и Штопаный. Заклокотал Верблюд.

— Воистину пришла, пацаны... — Перехватил строгий взгляд сверхсрочника, картинно зажал себе рот костлявой ладонью. — Все, молчим, старшой, мы паиньки, в натуре...

Зэки возбуждались, нетерпеливо ерзали.